

С. Е. Мамбеев

**«ПОЛИТИЧЕСКИЙ БАНДИТИЗМ»
НА СЕВЕРО-ЗАПАДНЫХ РУБЕЖАХ СОВЕТСКОГО ГОСУДАРСТВА
В 1920-е ГОДЫ**

Подробно изложены глубокие изменения в политической и социально-экономической сферах жизни в СССР, вызвавшие рост оппозиционных настроений и бандитизма в стране, что привело к необходимости повышения эффективности работы органов ОГПУ.

This article deals with the profound changes in the political, social and economic spheres in the USSR that resulted from the growth of oppositional attitudes and banditism in the country. These circumstances led to the necessity to increase the efficiency of the State Political Directorate.

Ключевые слова: гражданская война, внутривнутриполитическая обстановка, правоохранительные органы, бандитизм.

Key words: civil war, political situation in the country, law enforcement authorities, banditism.

Окончание Гражданской войны привело к прекращению лишь крупных военных действий. Вооруженные столкновения с разрозненными группировками антибольшевистских сил продолжались. Это оказывало дестабилизирующее воздействие на внутривнутриполитическую обстановку в регионах страны и серьезно осложняло процесс восстановления хозяйства. Кроме того, многочисленные «бандпроявления» вызывали тревогу у партийно-советского аппарата в связи с возможностью организации крупных контрреволюционных восстаний в стратегически важных районах СССР. Среди таких регионов выделялись западные и северо-западные рубежи.

В начале 1924 г. в ОГПУ была подготовлена «Записка к заседанию Президиума ЦК», в которой весьма обстоятельно говорилось о новых угрозах революции и советскому строю. По сути, в этой записке давалось определение бандитизму и его проявлениям как одной из серьезнейших угроз советской власти и обосновывалась необходимость консолидации всех правоохранительных органов и партийно-советского аппарата в борьбе с этим явлением. «Бандитизм — это историческое наследие Гражданской войны как в военном, так и в политическом и экономическом отношении... Бандитизм — это нависшая угроза над нашим государством... Бандитизм — это не только вооруженные отряды и шайки... Это общность всех социальных болезней эпохи и наглядное выражение классовых противоречий в деревне... Это стихийное пассивное сопротивление советской власти... и это активное присоединение к действующим бандам и вооруженное сопротивление белых, зеленых и пришлых шаек» [1, л.119]. После выступления Ф.Э. Дзержинского на заседании Политбюро ЦК РКП(б) было принято специальное постановление ЦК «О борьбе с бандитизмом», которое практически полностью повторяло смысл записки руководителя ОГПУ и указало, что неотложной задачей современного момента становится полное освобождение крестьянского населения «от обирающих его бандитов». Принятие этого Постановления в 1924 г. должно было еще больше подчеркнуть важность борьбы с антисоветскими элементами, объединяющимися в разнообразные вооруженные группы как уголовной, так и политической направленности.

Надо сказать, что термин «бандитизм» широко использовался в революционной риторике. Бандитами в 1917—1920-е гг. оказывались не только уголовные преступники, «белобандитами» называли участников вооруженных формирований Белой армии, «бандитскими» были шайки различных самопровозглашенных национальных образований, «бандитами» называли крестьян, поднимавших восстания в тылу, таким же образом именовали членов разнообразных антисоветских группировок и заграничных формирований. Вероятно, использование этого термина в годы Гражданской войны и последующего времени не случайно. В крестьянской, патриархальной и в целом малообразованной стране, где крестьяне да и многие рабочие в большей степени ориентировались на традиционные моральные категории справедливости, чем на юридические установления и нормы, необходимо было оперировать доступными и четкими определениями и понятиями, которые не требовали дополнительных разъяснений. Еще в середине XIX в. под словом «бандит» понимался «вор, дерзкий мошенник, грабитель» [2, с. 44]. Для подавляющего большинства людей в этом понятии содержались исключительно негативные

смысловые характеристики. Бандит — это тот, кто покушается на жизнь, здоровье, имущество и благополучие, и поэтому представляет серьезную опасность как для человека, так и для всего общества. Уничтожение бандитов не надо было специально обосновывать, как того требовала борьба с политическими оппонентами. Кроме того, «бандит» и «бандитизм» — понятия вневременные, существующее как в годы войны, так и после ее окончания, не зависящие от идеологии, понятные и доступные для любого человека. Борьба с бандитизмом в представлении большинства населения оправдана, поэтому для ликвидации этой угрозы могут быть использованы различные силы и средства.

В различных нормативно-правовых актах, в печати большевики иногда уточняли характер и направленность отдельных проявлений бандитизма в СССР — он мог приобретать политическую или уголовную окраску. Но, как правило, в документах центральных и местных советских и партийных учреждений любая деятельность «савинковцев», басмачей и уголовных элементов трактовалась как бандитская, в связи с чем допускала применение к ним различных репрессивных методов.

Необходимо также отметить, что сами «бандпроявления» были весьма схожи как у политических, так и уголовных элементов. Грабежи, разбойные нападения на магазины, склады, учреждения советской власти, убийства советских руководителей, активистов, сотрудников правоохранительных органов и простых граждан, уничтожение транспортных средств, запугивание населения — так действовали отряды Павловского, Васильева, Эрдмана, также поступали банды грабителей, конокрадов и уголовников. Безусловно, что для советской власти подобная деятельность представляла реальную угрозу, особенную обеспокоенность вызывали районы «массового распространения бандитизма» и приграничные территории, в которых действовали «бандформирования, поддерживаемые мировым империализмом и контрреволюцией».

Особое внимание большевистское руководство обращало на возможность проникновения бандитских элементов в тыловые районы СССР, для создания контрреволюционных организаций и подготовки вооруженных восстаний. Поэтому большое внимание уделялось не только борьбе с «активным бандитским элементом», но и выявлению «подстрекателей и пособников», а также тех, кто «стихийно пассивно сопротивляется советской власти» [1, л. 19].

Массовые крестьянские выступления 1920-х гг. в Тамбовской губернии, Якутии, Поволжье, Карелии, Украине, на Дальнем Востоке, Кронштадтский мятеж, усиленные противоборством с остатками Белой армии и «международным империализмом», межнациональными конфликтами и национальными противоречиями стали для руководства страны серьезным испытанием, которое угрожало самому факту существования Страны Советов и проводимой политической линии. В этих условиях только жесткие, бескомпромиссные военные и репрессивные методы, которые были апробированы в 1917—1920 гг., могли принести реальные и быстрые результаты. Закрепившись в сознании многих партийных и советских руководителей разного уровня как универсальный инструмент решения любых задач, эти силовые методы продолжали использоваться для «регулирования» всех сторон жизни общества и в мирное время.

«Бандпроявления» были связаны с деятельностью «повстанческих отрядов» Народного союза защиты родины и свободы и Русской народной добровольческой армии, руководимых Б.В. Савинковым; «бандформирований» С.Н. Булак-Булаховича, групп Российского общевойскового союза, Братства русской правды и Национально-трудового союза нового поколения. В 1920—1930-е гг. эти организации активно готовили и проводили террористические акты на советской территории. Подобных отрядов, действовавших как с территории Польши, Эстонии, Литвы и Латвии, так и осевших в России, было довольно много. Только соединение Эрдмана и Васильева, располагавшееся на границе между Вильно и Великими Луками, насчитывало до 3,5 тыс. человек, а латвийская организация Народного союза защиты родины и свободы, по данным ВЧК, насчитывала до 10 тыс. человек. Вдоль границы были сосредоточены более мелкие формирования и бандгруппы — по 50—200 человек. Практически все они имели более или менее согласованные планы деятельности, были вооружены французскими винтовками и готовы к совершению рейдов на территории СССР. «Повстанческим отрядам» ставилась задача организации «зеленых банд» — опорных баз для дальнейшей деятельности: разведки в советском тылу, вербовки крестьян, жителей небольших городов, представителей меньшевистских партий, собиравших и передававших за границу разнообразную информацию. Контрразведчики РОВСа и Б. Савинкова пытались создать разведывательно-подрывную сеть в приграничных районах республики для оказания содействия крупным отрядам и проведения диверсий.

Подобной обстановке на Северо-Западе России способствовал ряд «специфических особенностей» этих территорий: 1) наличие значительного числа «кулацких» слоев населения, недовольных экономической политикой советской власти, уголовников, дезертиров и «участников разных контрреволюционных организаций»; 2) большое количество оружия у этих лиц, оставшегося со времен Первой мировой и Гражданской войн; 3) лесисто-болотистый характер местности, и в частности юго-восточных уездов Псковской губернии, «являвшихся главными очагами бандитизма»; 4) постоянное возникновение всевозможных провокационных слухов (например, о предстоящей войне с Англией или скором падении советской власти).

Деятельность «повстанческих отрядов» квалифицировалась как бандитско-террористическая, представляющая реальную угрозу советской власти. Это предопределило методы борьбы с «политическим бандитизмом». В Руководящих началах по уголовному праву РСФСР, принятых Наркомюстом в 1919 г., в статье 12 указывались квалифицирующие признаки бандитизма: групповой характер преступления, вооруженность участников, его направленность против личности и имущества граждан, наличие преступных целей. Особое значение в советском праве приобретал классовый характер преступления, бандитизм с этой точки зрения трактовался как преступление, совершенное «лицом, принадлежащим к имущему классу, с целью восстановления власти угнетающего класса» [3], что служилоотягчающим признаком. Эти принципиальные положения вошли в Уголовный кодекс РСФСР 1922 г. и были подтверждены в УК 1926 г. Статьи 57–65 прямо указывали на контрреволюционный характер деятельности переходящих формирований и их пособников. А статья 76 УК РСФСР санкционировала применение смертной казни по отношению к «участникам банд (вооруженных шаяк) и организуемых бандами разбойных нападений и ограблений, налетов на советские и частные учреждения, остановок поездов и разрушения железнодорожных путей, безразлично, сопровождались ли эти нападения убийствами и ограблениями или не сопровождались» [4].

Основные задачи по борьбе с политическим бандитизмом были возложены на различные чрезвычайные государственные органы, а также на специально созданные подразделения ВЧК ОГПУ. Приказом ВЧК №455 в составе центрального аппарата ВЧК в контрразведывательном отделе было создано отделение по борьбе с бандитизмом, а после 11 января 1922 г. аналогичные отделы и отделения появились при всех окружных и ГубЧК, а также при уездных политбюро. В работе отделов было выделено два основных направления: борьба с тайными организациями, вооружавшими и обучавшими бандитов, и борьба с вооруженными бандитскими формированиями и содействовавшими им лицами и группами [5, с. 353].

В апреле 1922 г. приказами ГПУ была установлена четкая организационная структура отделов по борьбе с бандитизмом (ОББ), создававшихся при особых отделах военных округов (после возникновения полномочных представительств (ПП) ОГПУ в военных округах борьба с бандитизмом была включена в сферу их компетенции), при губернских отделах ВЧК ГПУ и при политбюро и уездных ЧК ГПУ. Отдел по борьбе с бандитизмом Псковского и Новгородского ГубЧК имел в своем составе пять отделений: канцелярию, следственное отделение, разведывательное, оперативное (для проведения конкретных мероприятий) и организационно-учетное [1, л. 117–119].

В деятельности ОББ, которая должна была опираться на скоординированную социально-экономическую политику государства, сочетались оперативные и пропагандистские методы работы. Первая «инструкция» губернским органам по борьбе с бандитизмом недвусмысленно указывала на необходимость борьбы не только с живой силой врага, но и на неотложную задачу по «уничтожению бандитов и их базы, т.е. тех, кто питает их материально» [6]. Для достижения этой цели требовалось использовать все силы и средства – агентурно-оперативные и войсковые, широко привлекая местные партийные организации. Директива центра все мероприятия по линии борьбы с бандитизмом разделяла на «активные, юридические и высылку», которые весьма активно использовались в течение 1920–1930-х гг. в приграничной полосе.

Среди задач ОББ было также «изучение экономических, политических, исторических причин, порождавших бандитизм, и отдельных факторов, вызывающих и влияющих на его развитие». На ОББ возлагалась и задача организации и ведения переговоров с бандитами о добровольной сдаче, а также проведения мероприятий по ликвидации «базы активного бандэлемента», что подразумевало выселение лиц, «сочувствующих и помогающих бандитам» [6].

Проблема высылки «бандитского контингента» стала одной из важнейших в практической деятельности ОББ. В циркулярах, поступающих в Псковский отдел ГПУ, говорилось, что «мы знаем методы борьбы с бандитизмом и повстанчеством... с активными бандитами... но также

необходимо выработать методы борьбы с пассивными... выработать суровые методы воздействия, и эта мера — выселение. Эта мера явится генеральной чисткой станиц, хуторов и сел от скрытых врагов Советской власти» [1, л. 18—19]. Директива классифицировала весь бандитский элемент на «активных бандитов», т.е. тех, кто «активно и организованно выступает против Советской власти, совершает разбои и грабежи, пытается затормозить восстановление и дискредитировать Советскую власть и ее политику»; «подстрекателей» — «проводящих устную или письменную агитацию» и «пособников» — тех, кто «содействует словом или делом, советами, дачей сведений о Красной армии и Советской власти... а также семьи кулацкого элемента, среднего и мелкого крестьянства, которое находится в бандрах» [1, л. 19]. ОББ должны были внимательно изучать обстановку, проводить мероприятия по контролю за всеми бандитскими элементами, учитывая изменения в социальной, политической и экономической ситуации в стране и регионе.

Учитывая обстановку, складывающуюся на северо-западных границах республики, участвовавшие случаи проникновения банд из-за границы и большое количество бандпособников на территории Псковской губернии, советское правительство и руководство ВЧК решили устроить специальное совещание по проблемам борьбы с бандитизмом в западных и северо-западных районах страны. Оно прошло 15 марта 1921 г. в Москве под председательством Ф.Э. Дзержинского. Выступившие на нем председатель Псковского губисполкома К.М. Отс и председатель губкома РКП(б) К.В. Гей указали, что распространение бандитизма связано с пограничным положением губернии и большим «заражением губернии бандитским элементом». К.В. Гей отметил, что приграничные районы с Эстонией и Латвией находятся в ситуации «эпидемии бандитизма», поэтому следует принимать жесткие и решительные меры для улучшения положения. После обсуждения других докладов было решено, что ГубЧК должна координировать борьбу с бандитизмом, для чего следовало мобилизовать усилия Красной армии, ЧОНа, партийных товарищей и местное население. В целях ужесточения репрессивной политики ГубЧК было разрешено брать заложников из числа членов семей активных бандитов, провести высылку бандитов из приграничных районов, а ОББ должно было усилить оперативную работу. Следствием совещания стало выселение «бандэлемента» из приграничной полосы, которое осуществлялось в течение нескольких этапов в 1920—1930-е гг.

Сочетание различных форм и методов борьбы с бандитизмом привели к некоторому «успокоению» на Северо-Западе России. В середине 1920-х гг. крупные военизированные формирования были разгромлены, «бандповстанческая база» была уничтожена и разобщена. Это привело к реорганизации и упразднению ОББ, но окончательно решить этот вопрос руководство страны и региона смогло только к середине 1930-х гг.

Список источников и литературы

1. *Центральный архив Федеральной службы безопасности Российской Федерации* (далее — ЦА ФСБ РФ). Ф. 1. Оп. 6. Д. 256.
2. *Даль В.И.* Толковый словарь живого великорусского языка. СПб., 1863. Т. 1.
3. *Руководящие начала по уголовному праву РСФСР // Сборник документов по истории уголовного законодательства СССР и РСФСР.* 1917—1952. М., 1953. С. 59—60.
4. *Собрание узаконений и распоряжений рабоче-крестьянского правительства РСФСР.* 1922. №15. Ст. 153.
5. *Плеханов А.М.* ВЧК-ОГПУ в годы новой экономической политики 1921—1928. М., 2006.
6. *ЦА ФСБ РФ.* Ф. 1. Оп. 5. Д. 179. Л. 115—115об.

Об авторе

С.Е. Матвеев — канд. юр. наук, доц., Тульский государственный университет, начальник УВД Тульской области, e-mail: priz@tsu.tula.ru

Author

Dr. S. Ye. Matveev, Associate Professor, Tula State University, head of the Department of Internal Affairs of the Tula region, e-mail: priz@tsu.tula.ru